

ИРИНА АСТРИНА

Личное сообщение

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА
О ЛЮБВИ

Ирина Астрина
Личное сообщение

«Издательские решения»

Астрина И.

Личное сообщение / И. Астрина — «Издательские решения»,

Роман об очень непростых взаимоотношениях милой преподавательницы французского и её невероятно красивого и способного ученика — айтишника; о взаимоотношениях, сложившихся совершенно непредсказуемым образом и приведших героиню к драматической развязке. Текст полон сдержанной чувственности, интригующих намеков, ненавязчивого юмора. На страницах романа автор делится своим взглядом на самые разные стороны столичной жизни: от явлений природы и архитектуры до политических акций и астрологии.

© Астрина И.

© Издательские решения

Содержание

II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Личное сообщение

Психологическая драма о любви

Ирина Астрина

Ну к чему ополчаться на страсти? Ведь это же лучшее, что есть на земле, это источник героизма, восторга, поэзии, музыки, искусства, решительно всего.

Г. Флобер «Мадам Бовари»

© Ирина Астрина, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I¹

Мне часто снится, что я мертва. Проснувшись, убеждаюсь: сны не врут. Просто люди невнимательны к тому, что творится вокруг. Они сидят в офисах, кафе и квартирах, катаются на велосипедах, выгуливают в парках детей и собачек и совершенно не замечают, что бок о бок с ними находится умершее существо. А в это время я, словно сухая травинка, желтею то тут, то там среди бурной зелени и распустившихся цветов. Вот проносющаяся мимо девица лет шестнадцати чавкает жвачкой прямо у меня над ухом. «We need to finish our negotiations as soon as possible...»² – деловито беспокоится в телефон мужчина в дорогом костюме. Девочка тянет усталую бабушку к лотку с мороженым. Парочка разглядывает афишу с изображением какого-то поп-монстра, ломающего собственную гитару. И всё это без малейших признаков апокалиптического ужаса. Окружающие не видят труп, так как танатология сообщает им, что после стандартной смерти тело разлагается на химические элементы и становится непригодным к использованию. При этом наука не уточняет, что после моральной оно способно ходить, спать, питаться с относительным аппетитом и выглядеть более или менее привлекательно.

Самое удивительное, что даже такой чуткий человек, как мой муж, не понимает случившегося. Разумеется, он знает, что я больна, но не догадывается, сколь далеко зашло дело. Смерть ведь овладевает человеком по-разному. Вдруг приключится сердечный приступ, инсульт, авария, несчастный случай. А может вас тихонько спихнёт в могилу тяжёлая продолжительная болезнь, как выражаются телевизионные дикторы, объявляя о кончине выдающейся личности. В моём случае случилось и то и другое. Болезнь длилась долго, но остановка сердца произошла внезапно. Словно киллер, неслышно проникающий в подъезд за своей жертвой, смертельный недуг подкрался незаметно и там, где я меньше всего ожидала. На работе.

Всё началось три года назад в прекрасный майский день. Безусловно читатель имеет право предположить, что раз так, раз всё началось с идиллии, то Смерть по контрасту должна была сцапать меня в какое-нибудь холодное тоскливое время под завывания ветра. Обычно катастрофы выбирают подобный антураж для создания пушного эффекта. Однако со мной Она поступила коварно, явившись без предупреждения в такой же чудесный солнечный день в мае.

Впрочем, вернёмся на три года назад... Да, день был ослепительный, и было тепло, и Москва сияла как открывающая бал немолодая, но по-прежнему ничего себе щеголиха, и я пришла на рабочее совещание, будучи ещё живой и относительно здоровой. Как тогда живой, так и сейчас мёртвой, я работаю в одном и том же заведении – лингвистическом Центре, название которого представляет собой никому непонятную забористую аббревиатуру. Учреждение, конечно, не старинное, но и не так, чтобы вовсе без биографии. Возникло оно после перестройки с тем, чтобы обучать нашему мозгодробительному с точки зрения грамматики языку хлынувших в страну иностранных бизнесменов. Эти *hommes d'affaires*³ набирали на работу российских граждан, а те, не пожелав отставать от заморских патронов, принялись в свою очередь осваивать европейские языки. Помимо собственно преподавания Центр ведёт развлекательно-просветительскую деятельность, устраивая киносеансы, вечеринки с поеданием деликатесов страны изучаемого языка, культурологические круглые столы и прочее. Лично я в этом не участвую по причине ярко выраженной социофобии, то есть боязни общества. Однако, несмотря на игнорирование мной культурного аспекта, жизнь в Центре бьёт ключом и без меня.

---

¹ Данный текст представляет собой литературное произведение, все совпадения являются случайными (прим. автора).

² «Нам нужно закончить переговоры как можно скорее...» (англ.)

³ Деловые люди (франц.)

Время от времени наше заведение меняет адреса, оставаясь при этом всегда в сердце города. В данный момент (как и три года назад) мы находимся недалеко от прудов, славившихся некогда своим загрязнением. Рядовой москвич или гость столицы вряд ли знают, что исторически в этом районе кучковались французы. В сонном переулке стоит собор в честь почитаемого католиками короля, куда стекается на Рождество и Пасху вся столичная французская диаспора. Постройку церкви в этом месте одобрила ещё Екатерина Вторая. Поначалу она велела возвести её в Немецкой слободе. Однако та находилась слишком далеко от известной улицы, в старину завлекавшей покупателей французским парфюмом да кружевами, а потому никогда не отличавшиеся большим боголюбием франкофоны не желали ради мессы тащиться на другой конец города. Рядом с собором в те времена находились церковные дома, французские благотворительные учреждения, гимназия, школа.

Дальнейшему развитию этой *petite France*⁴ помешала Первая мировая война. Если бы мы не поспешили выручать «братьев-сербов», лелея тайную надежду завладеть наконец Константинополем (о чём сейчас почему-то не любят распространяться), то в квартале возник бы крупный жилой комплекс для французской колонии, включающий библиотеку, театр, Коммерческий музей и даже Генеральное Консульство Франции. Примечательно, что французский лицей и сейчас находится тут же. Стайки галдящих не по-нашему ребятишек бродят по кварталу, настораживая угрюмых ортодоксальных женщин, прихожанок знаменитого монастыря, настоятель которого есть «особа, приближённая к Императору».

Теперь вы понимаете, что нахождение нашего Центра именно в этом районе закономерно. Ведь изначально мы специализировались на преподавании русского и французского наречий. Это сейчас вы имеете возможность учить дополнительно языки Диккенса и Сервантеса, а также готовить ваших чад к сдаче любых школьных экзаменов, наняв репетиторов из нашего учебного заведения.

Центр избрал местом своей дислокации большой серый дом, в котором в начале двадцатого века располагались ОКНА РОСТА. Конечно, мы занимаем не всё здание, а лишь небольшое помещение на четвёртом этаже в одном из подъездов. Наш директор Ксавье однажды подсчитал ступени в пролётах и обнаружил, что каждый из них обладает своим уникальным количеством. «Однако же оно как-то держится...», – удивлённо заметил он. Думаю, в этом факте заключена для него вся суть России. Ксавье ещё не старый, гладковыбритый, но при этом кудрявый мужчина, шевелюрой смахивающий на наполеоновского маршала Мюрата. На нём всегда голубые или сиреневые сорочки и очки в крупной чёрной оправе, которая вкупе с волосами придаёт их обладателю сходство с пуделем в маске для подводного плавания.

В тот памятный майский день трёхгодичной давности в Центре состоялось собрание, на котором директор призвал нас, преподавателей, унять страсть к «ненужным ксерокопиям идиотских упражнений».

– Почему вам так не жаль бумаги, – распаялся главный начальник. – Вы полагаете, ксерокс – это дар доброго ангела?! (Забавно, но по-французски это устройство называется вовсе не так звучно, всего лишь «фотокопировальница»). Между прочим, Центр выложил за него немалые деньги. Нельзя чтобы преподаватель копировал любую глупость, которую он желает впихнуть студенту в голову. Прежде подумайте, а оно ему надо? А вам? В конце концов, берегите леса, экологию, эта тема разбирается в каждом современном языковом пособии!

Ксерокс – большая тема Ксавье. Будь его воля, он бы поместил аппарат под стеклянный колпак, провёл сигнализацию и отлавливал тех, кто намеревается покуситься на ценный прибор с целью использовать его по назначению. По этому вопросу он способен разглагольствовать

---

⁴ Маленькая Франция (франц.)

чуть ли не часами, однако на сей раз директорские заботы заставили его ограничить эту часть выступления пятнадцатиминутным временным отрезком.

– Следующий момент... по поводу одежды, – Ксавье слегка скривился. – Наши клиенты – кто? Солидные организации, всемирно известные компании, мировые бренды. Ваши студенты – кто? Достойные руководители и сотрудники этих предприятий. Вы обязаны иметь надлежащий вид, а не джинсы, которые выглядят так, будто вы пережили атаку крокодила.

– Да и вот ещё... снова вынужден напомнить. Запрещаю добираться до ваших учеников на машинах!! Извольте ездить общественным транспортом. Самое оптимальное – на метро, это чуть ли не единственное, на что можно положиться в России!

Закончив сию тираду, разволнованный руководитель провёл рукой по лбу и удалился с видом, вполне достойным маршала, оставившего своих солдат размышлять о грандиозности сказанного.

Отступление главного шефа означало, что теперь слово возьмёт начальник помельче. Его зовут Антуан, и он – обладатель своеобразной внешности. При взгляде на него вам на ум могут прийти два слова: «козёл» или «мушкетёр». Зависит от вашей доброжелательности. Эта оригинальность имеет место благодаря многомесячным усилиям по отращиванию бородки, которой Антуан страшно гордится, хоть она и являет собой тщедушный пучок волос, жалобно стекающий с подбородка. В остальном это вполне обычный юноша приятной наружности. Высокий, стройный, с хорошими манерами.

Антуан с энтузиазмом оглядел своих апатичных подчинённых, то есть нас. По возрасту и внешности состав довольно пёстрый. Молоденькие девушки только-только из университетов-институтов, женщины средних лет и несколько почтенных дам – бывших школьных учительниц, подрабатывающих на пенсии. Отдельно выделялись преподавательницы – настоящие француженки. Все в однотипных джинсах, рубашках одного фасона, с одинаковыми длинными носами. Разнились лишь цвета топов и оттенки джинсовой ткани.

Подёргивая бородку, Антуан повёл речь об учебной рутине, о старых и новых пособиях, тестированиях студентов, проблемах нечитающихся компакт-дисков, культурных мероприятиях Центра. Однако особо волновала оратора тема отчётности.

– Дражайшие коллеги, и опять и снова я обязан обратить ваше внимание: не желаю и не буду принимать отчёты, заполненные одновременно синими, зелёными и красными чернилами, отчёты, чей внешний вид явно свидетельствует о том, что они служили подставкой для чашек с кофе, отчёты с размазанным кремом от пирожных и следами губной помады. И, пожалуйста, не пишите на них посланий типа «Антуан – ты идиот», потому что это документы, которые я передаю менеджерам компаний, где трудятся ваши студенты. В части, предназначенной лично мне, можете формулировать всё, что вы обо мне думаете и хотите до меня донести. Впрочем, русские преподаватели более дисциплинированы, – закончил он обнадёживающе для местного персонала.

Событие, явившееся катализатором моей болезни, а впоследствии смерти, случилось в самом конце собрания, когда Антуан предложил заменить отбывающую в отпуск сотрудницу. Сложно сказать, что сподвигло меня согласиться. Как правило, я не беру замен, не испытывая желания подстраиваться под чужую программу и лишней раз контактировать с незнакомым коллегой (не забывайте о моей социофобии). Показалась ли пропозиция заманчивой из-за близости офиса к Центру да и к моему дому (я живу хоть и не в пределах Садового, но легко дохожу до него пешком) или в тот момент у меня наблюдался дефицит учеников, сейчас я не могу этого вспомнить. Возможно, это было просто то, что называется словом «фатум». Так или иначе, я решила взять два чужих урока на следующей неделе.

Подозреваю, что читатель уже давно недоумевает: разве тот, кто боится людей, способен работать педагогом? Отвечу так: в принципе, это возможно при условии, что вы любите свой

предмет, а также если число обучаемых в группе не превышает трёх. В идеале для собственного комфорта следует ограничиться одним студентом. Кроме того, нормальный учитель всегда знает больше ученика, что пробуждает чувство превосходства и вынуждает застенчивость затаиться (пусть всего лишь на время урока). Занятия проходят не в Центре, а прямо на рабочих местах моих студентов, то есть в различных французских компаниях. С одной стороны, это позволяет практически никогда не видеть начальство и коллег (кроме пресловутых собраний два-три раза в год), с другой – в этих компаниях я – особа пришлая и относится ко мне с уважением.

Обучение взрослых людей иностранному языку больше походит на развлечение. Представьте, какой-нибудь менеджер среднего, а то и высшего звена решил сам или по воле обстоятельств, называемых халявой, приняться за покорение французской грамматики и лексики. Прежде всего он обнаруживает, что изрядное количество французских слов похоже на английские. Немного смущает неудобоваримое произношение, но студент всё равно пляшет в эйфории. А как же иначе? Ведь, едва ступив на новый материк, первопроходец узрел там массу знакомой флоры и фауны. Ой, вот тут известный цветочек, а за ним зверёк с хвостом пробежал, я ж его знаю! Однако ребячий восторг быстро сменяется недоумением. Кто-то старается отнестись к неприятному повороту событий с юмором, кто-то раздражается не на шутку. Дело в том, что человек, владеющий английским (а большинство служащих иностранных компаний изучали в школе именно его) не может смириться с тем, что притаившаяся в засаде французская грамматика вдруг выстреливает оттуда родами, артиклями, которые то сливаются с предлогами, то существуют отдельно, а главное каверзными спряжениями. А уж числительные...

– Не-е-е, ну они чего не могут как люди сказать «семьдесят»?! Зачем «шестьдесят и десять»?!

Читатель может вообразить, какую бурю эмоций вызывает необходимость произнести комбинацию слов «четыре раза по двадцать и пятнадцать» для обозначения числа «девяносто пять». Некоторые даже начинают подозревать преподавателей в умышленном издевательстве. Более вежливые злятся на французов: «Садюги... пусть по-русски говорят!»

Конечно, многие студенты ломаются скоро и бесповоротно. Походив на уроки месячишко-другой, они понимают, что дело труба, и испаряются как утренний туман над Сеной. Порой встречаются совсем безнадёжные личности вроде очень милого, похожего на Винни-Пуха, директора крупного французского супермаркета. На мой вопрос «А где же ваша тетрадь?» он лишь похлопал пушистыми ресницами и удивлённо осведомился «Она нужна?» Медвежонок всё же завёл крохотную школьную тетрадку в клеточку и добросовестно пыхтел, записывая туда всё, что полагалось. Он делал это на протяжении нескольких месяцев, однако девица-недотрога (читай: французская грамматика) держалась неприступно, и этот солидный начальник не смог приблизиться к ней дальше глагола «быть». Поиметь девицу ему так и не удалось⁵, но он часто утешал себя и меня: «В институте я хорошо учился по химии».

Симпатичный ученик-геолог, обожавший рядиться в жёлтые рубашки и розовые джемперы («цветовые пятна в серой жизни», – пояснял он), принял решение осваивать лишь инфинитивы. «Я ходить к начальнику», «Начальник сказать, что я работать плохо», – докладывал он, ни секунды не тушуясь. Таким же макаром геолог болтал по-английски и был уверен в своей правоте. Никакие мои доводы в расчёт не принимались, и лишь после того, как изумившийся этой манере общения коллега-француз сказал: «А ты бы, старик, поспрягал всё-таки глаголы!», ученик согласился попробовать запомнить первое лицо, но всем остальным формам он такой привилегии не предоставил.

Частенько люди отказываются усваивать синонимы. К примеру, два глагола со значением «приходить». Обычно радостно выбирается тот, который существует и в английском, то есть

---

⁵ Второй основополагающий глагол после «быть» – это глагол «иметь» (прим. автора).

arriver. Мои уверения в абсолютной частотности обоих слов и в том, что даже если сами они никогда в жизни не произнесут второй глагол, он обязательно встретится им в тексте или в речи собеседника, не имеют никакого действия. Аргумент всегда один и тот же: «Два слова запомнить не смогу!». Более, чем странное оправдание для людей, собравшихся освоить нечто большее, нежели словарь Элочки-людоедки.

Уже упомянутый поход на замену коллеги должен был состояться во второй половине дня. А с утра я провела урок в солидной нефтяной компании. Там у меня пара интересных экземпляров. Давайте назовём первого Сонный, а второго Шустрый. Оба компьютерщики. Почему-то мне на них везёт. Практически половина моих студентов трудится на ниве информационных технологий.

Сонный постоянно находился в состоянии анабиоза. Он был молод, белобрыс, голубоглаз, до ужаса апатичен и, как казалось, совершенно неспособен к языкам. Лишь однажды он слегка зашевелился во сне, споткнувшись о слово boucle⁶, оказавшееся не тем, чем он ожидал. «Что это? Что? Объясните! – разнервничался ученик. – Я знаю только сову Буклю!!» За два года Сонный так и не научился толком самым простым фразам.

Шустрый – весёлый взьерошенный брюнет лет сорока – говорил по-французски довольно бойко, однако имел обыкновение путать слова. Так, нечётко произнося «guerre»⁷ и «gare»⁸, он часто отправлял себя и знакомых на войну. Или, не моргнув глазом, рассказывал о «мужике с зелёными яйцами». Мысленно я прикидывала всю непредсказуемость личной жизни этого неординарного субъекта, однако тут же разочаровывалась, понимая, что студент просто перепутал «oeufs»⁹ и «yeux»¹⁰, а герой его истории – обычный ничем не примечательный мужчина. Да и слово-то, положа руку на сердце, означает «куриные яйца», а не то, что подумал читатель. Смешные казусы случались с Шустрым регулярно, а потому почти каждый урок мне в уши поступал поток жалоб на недалёких франкоговорящих сослуживцев. Для успокоения обескураженного ученика я рассказывала о Марке Твене, который, пытаясь общаться по-французски в Париже, так и «не смог заставить этих идиотов понять их родной язык».

Вообще-то проблемы Шустрого и американского классика не уникальны. Недавно одна из студенток сообщила простой вроде бы факт: «Наш генеральный на Корсике». Перед моими глазами уже плыли заросли макú, женщины в чёрных одеждах, кровавые разборки, Жанна из романа Мопассана, пережившая на Корсике момент простого женского счастья. Но... всё обернулось как-то уж совсем прозаично. Шеф не вынашивал планы кровной мести и не совершал романтическое путешествие. Он был даже не на Корсике (en Corse), а всего лишь в курсе (en cours) текущих событий.

Прискорбно, но... после двух лет обучения студенты по-прежнему не помнили элементарных вещей. Вот Сонный в тысячный раз погрузил меня в мистику. «Всё деревья, деревья, за ними церковь, а потом появляется Вий...»¹¹, – меланхолично интриговал он. Не будучи сильно начитанным, Сонный не пытался пересказать гоголевскую страшилку на языке Бальзака, а попросту повествовал о путешествии в подмосковный город.

Такие ситуации возникают на уроках постоянно, поэтому преподаватель изрядно веселится, наблюдая за стараниями учеников. Однако даже самое приятное времяпрепровождение необходимо порой прерывать, дабы ощущения не утратили остроту. Ради этого и берётся ино-

⁶ Пряжка, застёжка (франц.)

⁷ Война (франц.)

⁸ Вокзал (франц.)

⁹ Яйца (франц.)

¹⁰ Глаза (франц.)

¹¹ Сонный неверно произнёс слово ville (город), которое должно звучать как «виль» (прим. автора).

гда отпуск, ибо устать от подобной работы невозможно. В том году до моих каникул оставалось несколько дней. Несколько дней, в которые и нужно было подменить коллегу, уже наслаждающуюся на каком-то из морей.

На замену я отправилась из Центра, куда заскочила, дабы взять нужный для этого дела учебник. Возле входа группа девушек-француженок отравляла никотином весенний воздух. Порадовавшись тому, что не знаю никого из них и, стало быть, не надо говорить им *bonjour*¹², я решила пойти в нужную фирму по бульвару.

Старинный бульвар в хорошую погоду веселил душу. Кучки формальной и неформальной молодежи, мамы с колясками, пенсионеры с домашними любимцами – все наслаждались теплом, радостно-фисташковой травой и солнышком. Возле памятника русскому драматургу экзотический музыкальный коллектив в головных уборах из перьев который день давал концерт, поднимая настроение москвичам и работающим на бульваре гастарбайтерам. Если отдалиться от музыкантов, то слышен птичий гомон.

Я купила мороженое и, не спеша, двинулась по бульвару. Быстро миновала толпу, глазающую на пернатых инструменталистов, и пошла по аллее, шурясь от солнечных лучей и одновременно изучая прохожих, а порой и обитателей бульвара. К примеру, компания бомжей с одеждами явно проводила здесь не первую ночь.

Офис французской компании, куда я направлялась, располагался в здании, соседствующем с модным театром. Нет, не в стареньком двухэтажном домике фасадом на бульвар, а в уродливом современном строении, которое, к счастью, догадались расположить в глубине, чтобы не портить вид бульварного кольца. Я заявила раньше назначенного времени, и мне пришлось немного послоняться туда-сюда, разглядывая театральные афиши. Когда же до начала занятия оставалось пятнадцать минут, я вошла внутрь стеклянно-бетонного монстра и, подав паспорт, сообщила, что я преподаватель французского языка. Регистрирующий посетителей молодой охранник попытался состроить глазки, но умолк, раскрыв документ. «От возраста шокировался, бедолага», – подумала я. «Сорок женских лет – это вам не фунт изюма, а для России – так вообще приговор, не подлежащий обжалованию». Гордо забрав у разочарованного стража паспорт, я поднялась на третий этаж. До чего же безлики все офисы! Как только работающие в них люди умудряются не сойти с ума в этих выкрашенных белых краской помещениях с одинаковыми дверями!

Снова ресепшн. Я назвала имя студента. Девушки-рецепционистки в солидных фирмах все миленькие как на подбор, каблучки-юбочки, завитые локоны.

– Пожалуйста, пойдёмте, я вас провожу.

Здесь тоже, как и везде, белые комнатки с прозрачными дверями. Правда, двери снабжены жалюзи, но вряд ли кто-то кроме больших начальников имеет право их закрывать. В центре просторный зал, уставленный компьютерами. Возле них вьются стайки мелких служащих, вынужденных весь день маяться на виду у коллег. Те, кто рангом повыше, сидят в белых комнатках. В общем, надо обладать изрядной любовью к социуму, чтобы не свихнуться от постоянного пребывания на глазах у сослуживцев...

Я долго думала, как бы его описать.

Он был подобен... Он был как... Он был похож... Он был словно... античный герой. Простите, я так ничего и не изобрела, и вынуждена оставить последнее неоригинальное сравнение, потому что более точного выражения мне не подобрать. Сходите в Пушкинский музей, а если вам лень или вы не любитель изящных искусств, то хотя бы наберите в поисковике

---

¹² Здравствуйте (франц.)

«античная скульптура». Взгляните на посадку головы Дорифора или совершенные черты лица и пропорции Дискобола, и вы поймёте, что я имею ввиду. Он явно следил за модными тенденциями, так как украсил себя значительно более пристойной, чем у Антуана, бородкой. Безупречно отутюженные серые брюки и синеватая рубашка сидели на нём как влитые, облекая все те красоты, которые древние греки не стеснялись показывать. Его короткие светлые волосы чуть-чуть отдавали рыжиной, когда на них попадало солнце. Его прищуренные ярко-голубые глаза смотрели сквозь меня равнодушно. Высокомерие и снобизм отчётливо читались на его лице. Каждый его жест возвещал: «Я – красавчик».

Невзирая на давнюю и крепкую любовь к классическому искусству Древней Греции, я не собиралась валиться без чувств под стол. Напротив, какая-то брезгливость зашевелилась внутри меня при взгляде на надменное совершенство моего временного (как хорошо, что временного!) подопечного.

Даже не попытавшись изобразить любезность, он уселся за столик и, обдавая меня волнами колючего холода, изложил тот минимум, которым успел овладеть за три месяца учёбы. Само собой, багаж оказался невелик. Из короткого монолога я узнала, что «греческому атлету» тридцать пять лет, что у него есть жена и пятилетний сын. Было понятно, что он не занят метанием дисков, копий, гонками на колесницах и олимпийские боги не приглашают его разделить чашу нектара. «Древний грек» являлся рядовым сотрудником отдела... да-да информационных технологий. Как буднично, особенно если вспомнить противное слово «айтишник»!

По плану нам полагалось изучать тему «Транспорт», поэтому мы и так и сяк обсудили схему железнодорожного вокзала, выяснив названия различных его частей, проблемы покупки билетов, сдачи чемоданов и т. п. Через полтора часа я с радостью объявила, что занятие подошло к концу. Мрачно процедив «au revoir»¹³, герой удалился, так ни разу и не улыбнувшись. «По жизни такой? Или я ему совсем не приглянулась?» – подумала я, поторопившись покинуть негостеприимный кабинет. Второй урок с этим типом был назначен через два дня.

Подготовка к отпуску – дело приятное и обременительное одновременно. Милое занятие покупать обновки бывает испорчено отсутствием необходимых вещей в магазинах. У меня есть неудобное свойство. Я представляю себе нужный предмет со всеми деталями отделки и с этой нелепой картинкой в голове отправляюсь в торговый центр. Придя туда, я принимаюсь усердно обходить отдел за отделом в поисках «дизайнерской» вещички, созданной моим воображением. Иногда мне удаётся укротить фантазию, вернуться в реальность и остановить свой выбор на чём-то предлагаемом магазином. Но бывает и так, что уйду ни с чем.

Вот и теперь я моталась по нарядным галереям в поисках штанов, пригодных для похода в горы, и никак не могла найти то, что так некстати выкроил в голове мой внутренний кутюрье. Пайетками и фальшивыми камнями сверкали манекены, а в высоких зеркалах огнём несбыточных желаний вспыхивали глаза девушек и женщин, жаждущих купить всё, что подносили им жрецы храма потребления. Перемещаясь с этажа на этаж, мне приходилось то и дело уворачиваться от вездесущих распространителей бумажек с манящими предложениями: «Купите две пары трусов – и вам парфюм в подарок», «Посетите наш 5D кинотеатр». «Спасибо, и 3D – это уже слишком для меня», – пробормотала я, спасаясь от тыкающего в меня флаером молодого человека. В этот щекошливый момент в сумке тренькнула смска. Центр уведомлял, что второе занятие с античным красавцем отменяется. В душе заворчалось смешанное чувство досады и облегчения. С одной стороны, хорошо, что не придётся второй раз ёжиться под его взглядом. С другой – всё-таки неприятно, если я так сильно не понравилась, что он не желает потерпеть один-единственный урок. Однако у меня не было ни времени, ни желания заморачиваться этой проблемой, и я вновь занялась покупками.

---

¹³ До свидания (франц.)

Прошло ещё три дня, и скорый поезд Москва-Феодосия уносил нас с мужем в Крым. Сливаясь в розовато-белое безе, мелькали цветущие вишни и яблони, свечками тянулись к небу пирамидальные тополя, грязно-болотистый утренний Сиваш предвещал скорую встречу с морем. Полчаса на автобусе из Феодосии – и вот он, Коктебель – легендарная и не воспетая только ленивым точка пересечения дореволюционной и постреволюционной интеллигенции. Так уж сложилось исторически.

Сейчас мне вновь придётся повторить нечто избитое, но Коктебель – место фантастическое и иррациональное, притягивавшее романтиков, поэтов, а заодно и людей не совсем нормальных. Частенько это совмещалось в одном лице. Гений и безумие, как известно, вещи вполне себе дружески сосуществующие. Десятилетиями толпы представителей думающего сословия, задрапировавшись в балахоны а ля антик и водрузив на талантливые головы пахучие венки из полыни с вплетёнными в неё незабудками, бродили по горам и усыпанным самоцветами берегам, чем приводили в бешенство добропорядочных дачников. Помимо возвышенных результатов своей деятельности, выразившихся в создании стихов, прозы и картин, писатели, поэты, драматурги и художники стали основоположниками коктебельской традиции загорания и купания в костюме Адама (вариант – Евы). Традиция эта укоренилась столь прочно, что, несмотря на регулярные протесты поборников нравственности, голые люди обоего пола и по сей день абсолютно вольготно чувствуют себя в Коктебеле (в отличие от полудрагоценных камней, которые усилиями нескольких поколений советских граждан удалось-таки с пляжей ликвидировать).

В детстве, не понимая своего счастья, я отдыхала в известном Доме творчества писателей. Справа чёрный вулкан Карадаг. Макс Волошин назвал его «рухнувшим готическим собором». Каждый год мы ездили на морскую прогулку вдоль Карадага, и всякий раз меня завораживало зрелище причудливых скал, застывших по воле спящих до поры до времени древних богов. На левой стороне залива переменчивый мыс Хамелеон – маленький дракончик, заползший в море, да так и не пожелавший вернуться обратно на холмы Енишар. Позади Сюрю-Кая (гора Пила), серая и скалистая, она влечёт на свои голые склоны любителей экстрима. Среди советских писателей таковые встречались нечасто.

По традиции с утра советские писатели, их супруги и дети наслаждались отдыхом на пляже. Теперь, когда мы свободно ездим на средиземноморские, красноморские и другие курорты, наслаждение это кажется сомнительным, ведь коктебельский пляж – это узкая полоска весьма крупной гальки. Писатели и их семьи должны были проснуться в рань-раньскую и занять места под навесом от солнца, а также выдержать нешуточную схватку за лежаки, если не хотели ломать кости на голых камнях. Впрочем, в детском возрасте я открыто презирала навесы, лежаки, шезлонги и тому подобные блага.

Обычно мы останавливались в деревянном коттедже на несколько семей. Эти домики уютно располагались среди пушистых тамарисков и богатых розовых кустов, которыми изобилвала территория Литфонда. После обеда на террасе такого домика мы уплетали черешню или клубнику, нежась в плетёных креслах-качалках и наблюдая за мельтешением ласточек, налипших свои гнезда прямо тут же под карнизом. Вокруг кипела мелкая жизнь: ползали молодые мохнатые гусеницы, гусеницы постарше порхали, хвастаясь недавно обрётёнными цветными крыльями, паучки болтались на своих ниточках словно шарики на резинке, которые продавали в Москве цыгане. После дождя все дорожки наводнялись улитками с хрустящими панцирями. Я знаю, что они хрустящие, потому что порой количество их было таково, что людям приходилось шагать прямо по ним. Жизнь – штука жестокая!

По вечерам писательские жёны, дочери и другие родственницы, которым подфартило в этой жизни, наряжались в роскошные специально пошитые у портних платья и с видом королев отправлялись на ужин. Белая столовая располагалась прямо за пляжем на набереж-

ной. При входе был прибит ящичек с ячейками для писем. Я заглядывала в него в ожидании посланий от подружки, которые в случае обретения чрезвычайно радовали меня. В самом зале висел «Девятый вал» Айвазовского (разумеется, копия, и, разумеется, я не понимала тогда всю заурядность художника, поэтому картина вдохновляла меня необыкновенно). Еду подавали не первого сорта, но это искупалось другими приятностями. Например, подстаканниками с великим разнообразием рисунков. Так что всякий раз мы, дети, показывали друг другу, кому что досталось. Обслуживали нас каждый год одни и те же милые официантки – худая и толстая. Обеих звали Таисьями.

Отужинав, литераторы с женами с достоинством прогуливались по набережной, а их отпрыски бежали покупать билет в романтический кинотеатр под открытым небом, где во время просмотра мимо экрана проносились летучие мыши.

В один из корпусов никогда не селили семьи с детьми. Мало того, что не селили, но даже ходить мимо этого здания полагалось на цыпочках и закрыв рот. За стенами постройки жили божества – писатели, приехавшие творить бессмертное, а не наслаждаться крымскими винами. Вокруг корпуса висела многообещающая тишина, нарушаемая лишь треском пишущих машинок этих небожителей. В принципе, находясь в Доме творчества, вы постоянно чувствовали себя окружёнными гениями. Я лично стала свидетельницей показательной сцены. Однажды вечером мы с подружкой коротали время в её номере, в то время как на соседнем балконе раздавались характерные звуки: бульканье, позвякивание, а также мерная беседа двух прозаиков, конечно, о... литературе. Разговор тёлк плавно, и мы не прислушивались к нему, как вдруг журчанье голосов стихло, наступила длинная и немного пугающая пауза, за которой и была произнесена фраза, отражающая, как мне кажется, мировоззрение всех без исключения обитателей Дома творчества. «Да, – сказал один пиит другому, – да, наконец я понял: на свете есть лишь два настоящих писателя, – для пушнего эффекта он выждал еще, -... ТЫ и Я!» Аромат тамарисков и роз божественно разливался в воздухе, в ручейке орали лягушки, восторгаясь открывшейся истиной.

Надеюсь, вы уже поняли, что надо всем царили красота, природа, творчество. Велись разговоры о прозе, поэзии, критике. Они сопровождались раскуриванием сигарет в утончённых мундштуках, прищуриванием глаз, встряхиванием локонами (многие писатели носили длинные волосы). Одним словом, всё очень богемно.

Некоторые говорят, что никогда не нужно стремиться туда, где когда-то было хорошо, потому что прежние сентиментальные чувства превратятся в руины и сердце будет навсегда разбито, столкнувшись с грубой действительностью, исказившей черты любимых мест.

Подобные страхи терзали и меня, но спас... Интернет. Всего несколько нажатий клавиш, и я уже подробно проинформирована о произошедшей в Коктебеле катастрофе. О том, что парк Литфонда позаброшен, фасад столовой безнадёжно испорчен, набережная загажена вереницей едален сомнительного качества.

Однако... Коктебель – это вовсе не посёлок, набережная или Литфонд. Коктебель – даже не Дом Поэта, как бы кощунственно это не звучало. Что для богов чёрного вулкана мельтешение людишек у подножья? К счастью, они ещё не начали строить на его склонах уродливые хибары, хоть некоторые уже и подкрались совсем близко как, например, дорогостоящая вилла популярного тележурналиста, сильно смахивающая на ангар из промзоны. В природе, всё ещё сохранившейся вокруг посёлка, по-прежнему витает дух Древней Киммерии. На этом месте я предлагаю вспомнить Максимилиана Волошина:

Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет всё – Европа и Россия.
Гражданских смут горячая стихия

Развеемся... Расставит новый век
В житейских заводях иные мрежи,
Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля – извечно те же.

На второй день по приезде мы отправились на Карадаг. Мой муж Олег, никогда не поднимавшийся в горы, волновался. Надо сказать, не без оснований. Затащить пусть и на небольшую высоту сто двадцать килограмм живого веса – затея опасная. В начале похода всё чуть было не закончилось бесславно. Один из подъёмов оказался настолько крут, что бедный толстяк, пыхтя и утирая пот, уселся на камень, не в силах продолжать экспедицию. (Сам он при этом настаивал на сравнении его с жирным боровом, перевозившим домработницу булгаковской Маргариты: «Вот вспомни, как он пытался хвататься за траву копытцами»). К счастью, дальнейший путь протекал с меньшими энергозатратами, и в итоге это магическое место покорило супруга. Ущелья, разломы, застывшие в конвульсиях остатки лавы и ощущение прикосновения к чему-то трансцендентальному.

Заклёпаны клокочущие пасти,
В остывших недрах мрак и тишина,
Но спазмами и судорогой страсти
Здесь вся земля от века сведена.

Про себя я читала эти строки Волошина (особенно нравилось мне про судороги), как вдруг мерзко зазвонил мобильник. С непередаваемым раздражением я узрела на экране номер Антуана. В нашем Центре принято не помнить о том, что сотрудник в отпуске. «Не хватало ещё с тобой на Карадаге базарить», – подумала я, решила не отвечать и продолжила любоваться видом скалы Чёртов Палец, которая с левой стороны напоминала не заявленную в названии часть тела беса, а симпатичного слона.

Минут через пятнадцать я поняла, что совесть мешает мне наслаждаться феерическим видом на Коктебель. Набрала смс: «Я в горах, говорить не могу, пиши, если срочно». Получила в ответ вот что: «Греческому герою (читатель, конечно, понимает, что там значилось имя) очень понравился твой урок. Он просит тебя продолжить с ним. Согласна?»

Первая реакция: «Ничего себе... только мне такой радости не надо!». Вторая мысль: «Но... так близко от дома!» Третья идея: «Сам просит и время удобное и... может, он не такой уж противный». Соответствующая смска отправилась к Антуану.

Поход на Карадаг закончился спуском по живописной и качественной военной дороге. В тот год распустилось много крупных ярких горных пионов. Их розовые пятна то и дело возникали среди зелени, похожие на большие цветы из гофрированной бумаги.

Через пару дней мы совершили восхождение на могилу Волошина. Для того чтобы добраться туда, нужно миновать набережную, которую муж назвал смесью трущоб и помойки. Поразительно, как люди, живущие среди роскошной природы, так и не обретают вкуса к красоте, возводя безобразные сараи прямо на побережье. Будто прелесть пейзажа невыносима им настолько, что они стараются отгородиться от неё с помощью барачков, закрывающих вид на горы и море. Среди уродства и грязи апофеозом являлось кафе «Уют» – серое безобразное строение с облупившейся штукатуркой.

К счастью, всё когда-то заканчивается, в том числе и ранившая чувствительные души набережная Коктебеля. Из мира мусора и антиэстетизма вы резко попадаете в романтическую Киммерию. Она начинается оврагом, благоухающим так, что может начаться головокружение.

Калина, шиповник, таволга, асфоделины, жасмин, зверобой и мириады маленьких душистых цветов и трав ликуют, посылая в небеса дурманящие ароматы.

Могила Волошина находится на вершине. Величественный и немного инопланетный вид на голубые коктебельские горы открывается перед теми, кто туда добрался. Карадаг, залив, мыс Хамелеон, поросшая кудрявой шапкой леса Святая гора, длинная плоская словно проглаженная утюгом гора Узун-Сырт, от названия которой веет чем-то толкиеновским. Утончённый запах полыни действует удивительно благотворно. Мягко колышется ковыль. В таких местах люди ощущают себя частью космоса, а Вселенная ведёт с ними свой не всегда понятный разговор. Практикующему медитацию не найти лучшего места. Оттуда не хочется уходить, а лишь смотреть и смотреть на эту вечную панораму.

Если вернуться к посёлку, то положительное изменение всё же есть. Состоит оно в том, что дом Макса наконец-то открыт и каждый день вы можете зайти к нему, подышать старым деревом, полюбоваться чуть выцветшими акварелями и бюстом Таиах. Много теперь гостей в Коктебеле, но вряд ли их контингент пришёлся бы хозяину Дома по душе.

Мы сделали попытку прогуляться по вечерней набережной. Тут я вовсе не стремлюсь идеализировать советскую интеллигенцию. В массе своей она была достаточно убога. Однако в компании писателей, их нафуфыренных жён и других советских граждан, отдыхающих неподалёку в пансионатах попроще, можно было чувствовать себя спокойно. Увы, те изысканные курортники остались в прошлом. В нынешние времена набережная наводнена быдловатыми личностями, превратившими её в место алкогольных возлияний. Вместо мастеров поэзии слух терзают мастера матерных конструкций. Вместо поэта Волошина по посёлку бродит полусумасшедшая женщина. На ней венок и балахон, как и на Максе, и в неприемлемой для советской цензуры стихотворной форме она за небольшую мзду предлагает отдыхающим букеты, от запаха которых согласно её обещаниям «будешь трахаться каждый день». Со второго этажа бывшей столовой Литфонда раздаётся выносящий мозг грохот. Это мелодия, зазывающая в суши-бар. Последний занял место библиотеки, наполненной когда-то душевным ароматом старых книг. По набережной снуёт туда-сюда орда полупьяных дикарей, но окончательно подорвал мои моральные силы аттракцион, где предлагалось метать сырое яйцо в живую человеческую голову, всунутую в фигуру доисторического человека с автоматом. По окончании моци-она муж объявил, что если ад существует, то он должен выглядеть именно так, и патетически добавил: «Трагедия Коктебеля в том, что курорт интеллектуальной элиты превратился в место для выродившегося плебса». С этим не поспоришь, даже если очень захочется.

И всё же, несмотря на описанные ужасы, я испытала наслаждение от жизни в Коктебеле с его неожиданными туманами, прозрачными халцедонами, вечными собаками-попрошайками и чудаковатыми обитателями. Одного из них мы окрестили «фавном». Он бродил по дорогам в красной набедренной повязке, с выгоревшей на солнце копной нечёсанных волос. Часто его можно было видеть поедающим где-нибудь придорожную шелковицу.

Было жаль покидать их, не зная, увидишь ли ещё столь разноцветное море, как по дороге в Тихую бухту, когда вода то жёлтая, то красная, то кобальтово-синяя, положишь ли на тёплую могильную плиту Волошина традиционную гальку, собранную напротив его дома, прижмёшь ли к лицу свежесорванный пучок полыни?

Но, невзирая на тихую печаль расставания, я всегда возвращалась из Крыма обновлённой. Уже через день по приезде в Москву я была на работе и слушала, как Шустрый увлеченно вещает что-то про «собачью продукцию». Он не ругался, а спутал «chien»¹⁴ и «Chine»¹⁵.

---

¹⁴ Собака (франц.)

¹⁵ Китай (франц.)

Около половины четвёртого я отправилась в офис возле театра. На мне было серое платье в белый цветочек, на мне был крымский загар, и волосы ещё пахли морем.

Когда он появился, я не узнала его... Будто вошёл другой мужчина. От двери он не мог заметить, что я на него смотрю. Он не походил на себя, потому что столько нежности и тепла светилось в его глазах, такая мягкость и доброта исходили от лица, что это просто не мог быть тот надменный молодой человек, который ни разу не улыбнулся за полтора часа нашей последней встречи. Впрочем, он не улыбнулся и в этот раз. Описанная сцена длилась пару секунд, после чего герой молниеносно вернул отлично знакомую мне равнодушно-высокомерную маску и не снимал её в течение всего урока. Занятие прошло почти столь же холодно, как и предыдущее, хотя я очень старалась быть любезной.

Так продолжалось около трёх недель. Он оказался прилежным студентом, делал всё, что я просила, и всегда говорил по-французски, хотя зачастую ученики идут по пути наименьшего сопротивления, сбиваясь на родной язык, если им что-либо непонятно. Помню, как один странный индивид на мои вопросы порой отвечал встречным: «А можно я это скажу по-английски? Я по-английски знаю!» Прошло уже немало лет с тех пор, как наши занятия с ним прекратились, но я так и не могу взять в толк, для чего он регулярно адресовал этот вопрос преподавателю французского.

Зато мой новый студент выполнял даже домашние задания (вещь практически нереальная, если имеешь дело со взрослыми работающими людьми). Однажды я задала на дом перевод. Мой герой спросил: «Могу я прислать вам это упражнение по почте?» Ну, разумеется, вы можете. Задание пришло вместе с мило написанным по-французски вопросиком: «Как вы проводишь выходные?» Добросовестно исправив ошибку, я описала, что гуляла с подругой в ботаническом саду, восхищаясь красочным цветением летних растений. «Как романтично!» – ответил он. Вообще-то я гуляла с подругой и мужем, который по непонятной причине не был мною упомянут.

За прошедшие недели я узнала, что античный атлет выделяется на фоне других учеников не только красотой. Он знает, кто такие Шостакович и Ле Корбюзье. Он смотрит фильмы фон Триера, он даже читает книги. Всё вышеперечисленное не так уж часто встречается, в том числе и среди людей с высшим образованием, работающих в престижных компаниях. Так, одна крупная начальница недавно сообщила мне, что Мольера зовут Вольфганг Амадей.

За интеллектуальными открытиями последовали другие. Я обнаружила, что новый ученик часто заинтересованно смотрит на меня. Особенно в район бюста. Не каждая женщина при росте сто пятьдесят восемь сантиметров и сорок четвертом размере одежды имеет четвёртый размер груди. Кажется, это порой мешало ему заниматься. При изучении частей тела я, конечно, сообщила, как называется женская грудь, потому что у франкофонов для этого существует отдельное слово. Взгляд моего героя сделался настолько выразительным, что мне захотелось быть одетой во что-нибудь похожее на скафандр или на худой конец в балахон для мусульманок.

Все наши беседы велись, разумеется, по-французски. И вот, спустя примерно месяц после знакомства, я, сама от себя не ожидая, рассказала ему про мою социофобию, про прежнюю работу переводчиком в одной серьёзной государственной организации, про то, как все чудесно ко мне относились, а я так и не смогла там прижиться из-за боязни общества, и о том, как мне нравится моя нынешняя работа, где я практически никогда не сталкиваюсь с коллегами. Когда я закончила своё откровение, он вдруг улыбнулся мне такой чудесной и светлой улыбкой, что я невольно залюбовалась. «Знаете, – сказал он, – я тоже ненавижу людей».

Через два дня я получила послание: «Можете мы обедать в пятницу вместе?» Надо сказать, что помимо моего героя я взяла в этой компании группу из нескольких человек, в числе которых был и его начальник, презабавный тип (назовём его Пончик), обожающий болтать и сочиняющий длиннющие предложения, начинённые кучей наукообразных сведений и цифр

ровой статистикой. Мой атлет предлагал совместную трапезу после урока с этой группой. Что было после получения приглашения? Я решила, что женатому мужчине наскучили семейные будни и хочется новых впечатлений. Хорошенько поразмыслив, я отправила ответ.

– *Привет!*

– *Salut!*¹⁶

После занятия с начальником он ждал меня в коридоре, откуда мы вместе направились к лифту. Как всегда безупречно элегантен. Рубашка в тонкую полоску, отлично сидящие серые брюки. Я надела в меру короткое и в меру облегающее зелёное платье. Зелёный цвет идёт к моим глазам, и по его взгляду я догадалась, что это было оценено.

– *Куда ты предлагаешь пойти?* – спросила я, намерено становясь в том ракурсе, в котором, по моему мнению, мой нос выглядел выигрышнее всего.

Он слегка поморщился

– *Туда, куда не ходят любимые коллеги. Здесь недавно открылось ретро кафе, про которое они ещё не расчули.*

– *Всё ясно, подальше от коллектива. Я подозревала что-то подобное. Ты часто обедаешь вне офиса?*

– *Угу,* – буркнул он, глядя под ноги. – *Предпочитаю лишний раз не появляться в нашем ресторане.*

Кафе называлось «Чайковский». Крошечный (ростом всего около метра) портье, наряженный в чёрный фрак с белой манишкой и чересчур объёмный цилиндр, обрадовано приветствовал нас у входа.

Для украшения интерьера хозяева обзавелись антикварными часами, кружевными салфетками, предметами из старинных сервизов, а на стенах развесили картинки, с буколическими сценами досуга дам и кавалеров прежних столетий. Зал был уютный и чистый.

Мы заказали по бизнес-ланчу. Я спросила:

– *А ты знаешь, что за углом жила Надежда фон Мекк – женщина, влюблённая в Чайковского, никогда не встречавшаяся с ним лично, но написавшая ему сотни писем.*

– *Конечно, не знаю. А он был в курсе её чувств?*

– *Однажды она почти прямым текстом написала ему о страсти, которая её мучила.*

И это всё.

Нам принесли заказ, но еда не заинтересовала меня. Он улыбался также обаятельно, как и в тот раз, когда сообщил про свою мизантропию.

Я поинтересовалась:

– *Ты живёшь далеко отсюда?*

Он со вздохом назвал подмосковный город.

– *Ого! Каждый день таскаешься в центр!*

– *Да, грустная судьба! По дороге в офис завидую тем, кто может с утра пораньше гулять с собачками в центре Москвы.*

В кафе заиграла музыка. Звучало ретро, но из эпохи значительно более близкой нам, нежели Петру Ильичу. Примерно пятидесятые годы двадцатого века. Что-то лирическое.

Мы немного помолчали. Он смотрел на меня, не отрываясь. Я тоже глядела ему в глаза и не отводила взгляд.

– *Что посоветуешь мне для изучения языка?* – спросил он, прищурившись и слегка улыбаясь уголками губ.

– *Ну... в принципе, надо делать всё, что доступно. Смотреть кино, читать книги и газеты, слушать песни,* – дала я банальный ответ.

---

¹⁶ Привет (франц.)

– Ты мне поможешь? – он улыбнулся ещё хитрее.

– Конечно, а чего бы ты хотел в первую очередь?

– Наверное, читать и смотреть в оригинале мне пока рановато. Лучшие побольше говорить, потому что наши французы с нами по-французски болтать не желают. Долго и можно всё понять извращённо.

– Они по-своему правы, – подтвердила я. – Было дело, один студент решил общаться с шефом на его языке и тот велел ему ехать в командировку. Парень же, наоборот, понял, что ехать не нужно, поэтому оказался в глубоком нокауте, когда за день до вылета ему вручили авиабилет, а он не подготовил презентацию или что-то в этом роде.

Он засмеялся.

– Вот-вот... поэтому можно иногда встречаться с тобой? Мы могли бы говорить по-французски.

Огоньки надежды прыгали в его голубых глазах.

– Без проблем! И вообще с удовольствием! У меня ведь полно времени. Уроки-то обычно с утра или вечером. Редко бывает, чтоб разрешали как у вас в середине дня.

Его лицо вспыхнуло от радости.

– Тогда, может, сходим прогуляться после нашего занятия в среду?

Добрый день!

Большое спасибо за приглашение, но после урока с Пончиком мне нужно очень спешить, чтобы зайти по делам в Центр, а потом бежать на следующий урок.

До встречи на занятии!

Среда настала быстро. Я пришла как всегда вовремя. Я оделась очень буднично, он с обычной элегантностью. Мы разбирали диалоги, делали упражнения. Мы вели себя как будто ничего не произошло. Смотрели друг на друга как учитель и ученик, связанные формальными отношениями, и никогда больше не говорили о том письме и обеде.

Шли месяцы. Он занимался очень хорошо, и мы уже могли свободно болтать на самые разные темы. Конечно, его французский был несовершенен, но он прилагал много усилий, и у него получалось всё лучше и лучше. Однако сам он по всей видимости был неудовлетворен прогрессом, потому что однажды после урока сказал:

– Мне кажется, что процесс застопорился, посоветуйте, как его ускорить?

– Занимайтесь побольше самостоятельно, читайте книжки, газеты, попробуйте послушать радио, а вообще... вы волнуетесь напрасно... из тех студентов, что я имею сейчас, вы – самый лучший.

Внезапно его лицо приобрело ярко-пунцовый оттенок.

– Спасибо вам за нежные слова, – пробормотал он и выбежал из комнаты.

Мне стало смешно, немного приятно и немного жаль его. Ведь в произнесённой фразе не было ничего нежного, обычная учительская похвала, к тому же содержащая в себе простую констатацию. Да, порой я ловила на себе ласковые взгляды его больших голубых глаз. Обычно я замечала это в те моменты, когда ему казалось, что я не смотрю в его сторону. В другое время его лицо часто бывало если не совсем холодным, то равнодушным. Несколько последующих дней я ходила, напевая: «O, réponds, réponds à ma tendresse...»¹⁷

Я считала, что своим видом не должна способствовать развитию у него ненужной симпатии и поэтому стала выбирать неброскую, а иногда определённо некрасивую одежду. Даже приобрела бюстгальтер с эффектом (девушки, не падайте! мужчины, знайте, что бывают и такие!) уменьшения груди. Помню его обескураженный взгляд, когда однажды я заявила в старых

---

¹⁷ «O. ответь, ответь на мою нежность...» (франц., слова из оперы Сен-Санса «Самсон и Далила») (прим. автора)

уродливо сидящих чёрных штанах, серой водолазке и длинном чёрном жилете. Настоящий синий чулок, к тому же собравшийся на похороны! Помимо этого у меня в изобилии имелись и иные тёмные вещи.

Как-то раз он попросил перенести урок на другое время. Когда мы встретились, я отметила, что ему удалось невозможное: он выглядел ещё лучше обычного. Помимо традиционной сорочки без единой складки и узкого галстука он нарядился в пиджак, смотрящийся так, словно знаменитый кутюрье сшил эту вещь специально для участия в дефиле, где должен был собратъся весь бомонд. На ногах блестели умопомрачительные ботинки, а на запястье дорогие статусные часы.

– Я ходил на собеседование, – холодно сообщил он. – Работа надоела, хочу делать вещи более масштабные, нежели те, что мне тут предлагают. Я давно готов руководить проектами, начальник же меня ни в грош не ставит.

В желудке что-то шевельнулось. Очевидно, сырок на завтрак был не очень свежий. Говорит же Олег, что надо не лениться смотреть срок годности.

– Вот как... конечно, раз вы целыми днями на работе, а она вас не радует и с начальством контры, самое разумное искать другую компанию, – мой тон был самым что ни на есть участливым.

Мы обстоятельно поговорили о собеседовании и перспективах карьерного роста.

– Что ж, пока вас не взяли на новую хорошо оплачиваемую должность, будем продолжать?

– Разумеется, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Имелось в виду, что раз уж не повышают по службе, пусть хотя бы финансируют уроки французского.

Вскоре я узнала от его начальника, что спор возник из-за поста заместителя шефа, на который Пончик пригласил человека со стороны. Мой герой, работавший рядовым сотрудником уже около пяти лет, глубоко обиделся.

– *Представляешь, я говорю, сколько можно ждать, назначь меня!* – возмущённо пожаловался он.

– *Знаешь, хоть ты мне почему-то симпатичен, но я бы тебя точно не назначила. Кому охота иметь зама, курсирующего по коридорам с видом принца крови и, кроме того, жутко ленивого. Твои слова!*

– *Точно, я очень ленивый!* – засмеялся он. – *Я бы хотел вообще не работать, я спать люблю.. Ну, или путешествовать на машине. И, главное, чтоб никто не трогал. А от работы предпочитаю самоустраняться.*

– *Не очень-то приглядная картина...*

– *Уж какой есть, зато честно!*

Помимо всего прочего, мой герой уходил из офиса ровно в восемнадцать часов. Те, кто работает в коммерческих фирмах, знают, насколько это нетипичный поступок. Как правило, служащие таких организаций торчат на рабочем месте до семи-восьми вечера, ссылаясь на большие объёмы того, что необходимо завершить, хотя в большинстве случаев ими руководит примитивное желание выслужиться или страх потерять приличное место.

Тем временем явилась зима. В центре города это бывает мало заметно. Вырывающиеся из автомобилей вонючие пары немедленно уничтожают робкий снежок, едва прилёгший на мостовую и тротуары. Вместо белого ковра русской зимы под подошвами хлюпало месиво европейской слякоти. Однако на бульваре всё же сохранялось подобие зимней сказки. Вдоль аллей торчали сугробы, а иногда снег задерживался на ветках, которые чернели словно нарисованные тушью на размыто-сером листе неба.

– Скоро каникулы, и прощай на время офис! Вы, наверное, рады наконец-то побыть с семьёй? – вежливо поинтересовалась я.

– Ха! Я не выношу этих праздников, – в его голосе звучало раздражение. – В прошлом году за десять дней я поругался со всеми своими родственниками и половиной друзей.

– Вам не угодить! – удивилась я.

– А вы знаете, что по статистике больше всего разводов случается после Нового Года?

– Потому что люди, напившись, ведут себя неадекватно и изменяют своим половинам?

– Нет, что вы! Они просто вынуждены находится слишком долго в одном пространстве, смотреть друг на друга двадцать четыре часа в сутки. Это убивает отношения!

– *У твоей жены, должно быть, ангельский характер!*

Европа с Америкой научили нас по-детски радоваться, вырезая тыквам глаза и рты, а также дарить друг другу сердечки на День Святого Валентина. Они же убедили, что начинать подготовку к Новому Году нужно чуть ли не сразу после того, как закончится открытое в двенадцать часов шампанское. Бывает, что и снег ещё не выпал, а в городе уже вырастает лес ёлок и ёлочек, покачиваются на ветру шарики, шишки и хлопушки, табунами бродят Деда Морозы, а невиданные скидки обещают пиршество для шопоголиков. Когда наконец подходит тридцать первое декабря, мишура и ажиотаж вокруг подарков уже изрядно набивают оскомину. Возможно, утомилась и природа, потому что её посетила творческая идея украсить Москву по своему вкусу.

К сожалению, церемония надевания нового платья вышла болезненной. На город обрушился кошмарный ледяной дождь. Когда счастливцы, которым во время этого разгула повезло находиться в своих квартирах или офисах, осмелились выглянуть наружу, они убедились, что красота – не только страшная, но и жестокая сила. Манекенщицами, облачёнными в многокилограммовые костюмы из играющих кристаллов, замерли закованные в лёд деревья, а тонкие ветви кустарников почти стелились по земле. Прозрачные бусы, ожерелья, серёжки искрились и сияли, однако многие растения не могли нести на себе эти роскошные украшения. Они ломались и, падая на мёрзлую почву, издавали хрустальный звон. Неуёмное воображение дорисовывало картину. Вот идёт человек и вдруг – плюх – сверху выливается и тут же замерзает прямо на нём несколько ведер воды. Москва превращается в выставку ледяных фигур, среди которых в растерянности бродят те, кому удалось не обледенеть. Они подходят к статуям, начинают постукивать. Руки, ноги, головы отваливаются и звонко разбиваются об асфальт на мириады кусочков. Такая вот фантазмагория!

Ледяная феерия случилась в субботу. А в среду я как обычно собиралась в офис на бульвар. Я складывала учебники в сумку, когда от красавца пришла смс: «Я в больнице, воспаление лёгких». Далее стояло много обратных скобок, выражающих большую печаль и отвращение. В ответ мне захотелось написать, что он, вероятно, пижонил без шапки во время излияния с небес воды, но, конечно, я ограничилась вежливой формальностью: «Сочувствую, скорее поправляйтесь!»

Олег предложил уйти в монастырь. Не навсегда. На новогоднюю ночь. Религиозное рвение здесь ни причём. Просто присутствие на службе казалось привлекательнее таза с оливье, а главное, безвкусных телевизионных программ, которыми принято кормить «пипл» в ночь с тридцать первого на первое.

Испуганная предыдущим экспериментом, природа на этот раз постаралась и произвела такой пушистый и непорочно-белый снег, волшебным образом кружащийся в свете фонарей, что прогулка по вечерним московским улицам доставляла огромное удовольствие. Словно облитые сахарной глазурью двор и храм монастыря выглядели аппетитными пряниками. Жёлтыми цукатами радовали глаз полукруглые окошки, в которых мерцал тёплый свет свечей.

Но очарование быстро гибло внутри собора. Народу пожаловало много, и люди со страстью, которую им следовало оставить дома, распахивали друг друга, чтобы протиснуться туда куда им надо, нимало не заботясь об окружающих. И это ещё полбеды. Одним из самых раздражающих моментов в наших богослужениях является нестигаемое стремление прихожан поставить «свечку к празднику». Бесчисленные похлопывания по спине, сопровождаемые благостным «передайте к праздничку», способны вывести из себя... я хотела написать «даже святого», но раз полагается считать, что святые обладали нечеловеческим терпением, то закончу фразу так: «вывести из себя того, кто пришёл с благоговейным желанием спокойно помолиться».

Олег – человек хороший, однако до состояния святости ему пока далеко. Едва пробило полночь (мы догадались об этом по взрывам фейерверков за стенами монастыря), как он принялся тянуть меня за рукав и шипеть: «Ну всё, идем отсюда живей. А то наш народ в своём стремлении снискать благодать затопчет кого угодно». Последнюю фразу супруг слямзил у Задорнова и часто прибегал к ней в различных ситуациях.

Мы вышли. Перед тем, как вернуться, немного побродили по таинственным белоснежным улочкам, радуясь приятному поскрипыванию под сапогами. После свежего воздуха спится хорошо, поэтому даже бомбёжка новогодних салютов не помешала мне завалиться в кровать и видеть приятные сны.

Ближе к вечеру первого января я включила компьютер и открыла почту. Там было несколько поздравлений от знакомых, а также...

Здравствуйте!

Я забыл всю грамматику и лексику за прошлый месяц. На самом деле мне лучшее, и я уже дома. В больнице без родственников было хорошо. Я посмотрел много французских фильмов и сериалов.

К сожалению, я оставил свой учебник в офисе. Могли бы вы прислать мне упражнения для самостоятельной работы?

С Новым Годом! Как вы его встретили?

Здравствуйте!

Не верю, что вы всё забыли!

Я очень рада, что вам лучше (а не лучшеЕЕ) и что вы смотрите фильмы на языке оригинала. Новый Год я встретила в монастыре:-)

Я вышлю вам упражнения, если хотите, но... разве это не скучно? Вместо них можно переписываться. Я буду исправлять ваши ошибки. Также посмотрите французский телекурс (ссылка внизу). Я сама смотрела итальянский язык, и мне понравилось.

Вас тоже с Новым Годом!

Здравствуйте!

Я буду счастлив получать ваши письма! Спасибо за внимание, поддержку и совет насчёт телекурса. Он интересный.

Я повторил грамматику и собираюсь повторить слова.

Здравствуйте!

А я вчера была в Консерватории на фестивале камерной музыки. Это моя новогодняя традиция. Хожу уже пять лет.

Вы, наверное, проводите много времени с семьёй?

Привет!

Я сегодня посмотрел передачу об истории Парижа. С тех пор, как я учу французский, мне интересно всё, что связано с Францией.

Да, я провожу много времени с женой и сыном. Он тоже болеет. Мы с ним рисуем, строим из конструктора, читаем, играем и т.д., но иногда мне кажется, что он уже от меня устал.

Ты говоришь по-итальянски?

Тебе понравился фестиваль?

Привет!

Будем на «ты»? Прекрасно!

Я читаю и понимаю по-итальянски. Думаю, если немного потренируюсь, смогу говорить примерно также, как ты по-французски.

Фестиваль классный. Молодые музыканты играют редкую музыку.

Я люблю изучать историю по мемуарам, письмам, дневникам и т. п. Интересен субъективный взгляд, а не научные труды с войнами, датами, королями.

Пиши мне ещё!!

Здравствуйте!

Замечательно, что у вас есть теперь время поиграть с сыном и пообщаться с женой. По моему, это как раз то, чего людям не хватает в жизни.

По-итальянски я понимаю и читаю.

Фестиваль прекрасный. Можно послушать много редко исполняемой музыки. Мой муж был в восторге.

Очень рада, что вы интересуетесь историей Франции.

Здравствуйте!

Я нашёл в Интернете бесплатную психологическую консультацию. Это для меня довольно необычный опыт.

Из телекурса я узнал глагол «убивать».

Привет!

Ты хочешь узнать у психолога, почему я не отвечаю на твои попытки завязать неформальное общение?

Здравствуйте!

Вы интересуетесь психологией? Очень модное увлечение! Но... мне оно непонятно. Зато знаю, что некоторые люди подсаживаются на это и ходят на консультации каждую неделю.

Сегодня я иду на концерт «Магия чёрного квадрата», посвящённый Малевичу.

Здравствуйте!

Я не думаю, что психология – это волшебная таблетка, но она позволяет мне иметь альтернативное видение некоторых проблем.

Однажды я резал плитку для кухни, и жена сказала, что я почти Малевич.

Наконец закончились и каникулы, и его, как он выразился, «бесконечный больничный марафон». При встрече он посмотрел на меня долгим взглядом, словно пытался что-то прочитать на моём лице, которому я постаралась придать как можно более деловое выражение. Наше общение продолжилось в том же ключе, что и раньше.

Через некоторое время мы с Олегом решили отправиться в Петербург, где в тот момент гастролировал Гамбургский балет, который я очень любила.

– Я собираюсь в небольшой отпуск. Если желаете, возьмите замену.

Последнее было сказано для проформы, так как обычно ученики не хотят замен то ли из вежливости, то ли радуясь, что можно наконец-то отдохнуть от французского. Однако мой герой поспешил с ответом:

– Да, я хочу продолжить занятия и обязательно попрошу прислать другого преподавателя.

– *Ах, вот как! Что ж, ладно, если ты думаешь, что, распрощавшись с тобой, я слезами оболью всю подушку, ты ошибся!*

У меня были веские причины полагать, что игра в кошки-мышки ему изрядно наскучила, и он решил положить этому конец. Может быть, психолог в Интернете подсказал?

Петербург вылепился как всегда из болезненного тумана, морока и болотных испарений. По мере того, как поезд приближался к городу, зыбкие поначалу дома, каналы, фонари становились всё чётче и наконец приобрели достаточную прочность, позволяющую не опасаться, что они растворятся во влажном воздухе вместе со своими обитателями.

Нормальные люди стремятся посетить город на Неве весной или летом. Мне же по душе промозглая осень с дождём. Тогда вся знаменитая тоска, Достоевщина и тяжёлый Рембрандтовский колорит проявляются во всей красе.

Почти всю дорогу за окном тянулась траурная лента погибших в огне лесов. Меж обугленных стволов гуляла inferнальная дымка. Вилы могли бы оживить пейзаж, если бы, выбравшись из-под закопченных надгробий, решились сплясать на пепелище. Вместе с запахом гари в оконные щели вползала атмосфера декаданса.

Гамбургский балет обошёлся без «Жизели». Мы были зрителями трёх спектаклей. В первых двух переживалась прекрасная и трагическая судьба Вацлава Нижинского среди роскошных садов Армиды. Сны, воспоминания, терзания гениального, но безумного танцовщика переплетались, наполняя балеты реальными и иллюзорными образами под музыку Черепнина и Баха.

Во время антракта балетоманы болтали в прохладной голубизне Мариинки. Туристы ретиво щёлкались на фоне императорской короны, а на соседнем ряду дедушка в лицах разыгрывал перед внучкой, как Петипа отказался дать молодой Кшесинской роль Эсмеральды.

– Ты любить? Ты страдать? – дед артистически подражал мэтру, считавшему, что лишь та, которая испытала безнадежную любовь, способна воплотить образ трагической цыганки.

Со мной затеяла разговор соседка – настоящая петербургская интеллигентка лет восьмидесяти.

– Я приехала из Москвы специально, – поделилась я.

– Конечно, из Москвы, дорогая, вижу, что из Москвы, – с жалостью и заметным презрением ответствовала старушенция.

Удар был снайперским. С тех пор во время нахождения в Петербурге я мучаюсь от ощущения клейма на лбу. Ужасное слово МОСКВА въелось туда несмываемыми буквами. Мне всё-таки удалось немного отвлечь внимание от позорного факта, объяснив собеседнице, что слово Sacre в программке (старушка вертела её по-всякому, но ни сбоку, ни вверх ногами оно не становилось яснее) – это французское название балета Стравинского «Весна священная». Sacre чем-то похож на «капричос» Гойи. Тела танцовщиков корячились немыслимым образом. Сбиваясь, рассыпаясь, вибрируя, они превращались то в толпы калек, то в чудовищ или мутантов, в живую гильотину, натуралистично отделяющую голову от плеч. В финале Апокалипсиса возникала одинокая фигура, мечущееся в отчаянии и боли человеческое существо, бьющаяся в конвульсиях и судорогах женщина, под конец исчезающая в чёрной пустоте.

Спектакли прошли прекрасно, и я лежала в купе слегка одуревшая от впечатлений. Петербург и петербуржцы вновь расползались, оборачиваясь клочками тумана. Значок смски

загорелся на экране. «Вы придёте завтра? Мы будем заниматься?» Стало быть, красавчик меня не бросил. Что ж, продолжим!

– Bonjour¹⁸, – как обычно поприветствовала я Сонного, вошедшего в комнату без Шустрого. Последний свалился с гриппом. Сонный выглядел ещё страннее, чем всегда. Глаза диковато смотрели в одну точку.

– Что новенького? – задала я традиционный вопрос, которым часто начинаю урок.

– А?

– Какие у вас новости?

– А?

– Вы ещё не проснулись? Как провели время, пока я была в отпуске?

– А-а-а... – что-то разумное наконец блеснуло в зрачках. – Я ходил покупать костюм.

– Костюм? Для чего? – я настойчиво старалась заставить его вести со мной диалог на французском.

– Я на свадьбу быть должным идти.

– Не «быть должным», а «должен». Свадьба ваших родственников или друзей?

– Свадьба... э-э-э... нет... она мой собственная.

– Не «мой», а «моя», – я не собиралась бросать обучение ради этого события. – Вот как!

Отлично, поздравляю!

В ходе вымученной беседы мне удалось выяснить, что праздник пройдёт в ресторане, будет много гостей и что Сонный женится на однокласснице. Немного удивительно, ведь обычно такое случается сразу после окончания школы. А Сонному было уже двадцать семь. Зачем-то Судьба ждала десять лет, чтобы свести их вместе. Далее мы перешли к прослушиванию записи о проблемах съёма жилья во Франции. Однако погружённый в перипетии предстоящего события студент не понимал и не воспринимал ничего, относящегося к французскому языку. Бракосочетание и его последствия начали меня пугать.

Когда я явилась в офис на бульваре, то застала всех сотрудников толпящимися во дворе перед зданием. Они с волнением смотрели на запертую дверь. Они жаждали, чтобы она поскорее открылась. Стоял пронизывающий холод. Я поискала глазами античного молодца. Хотелось взглянуть, во что он одет. Я была уверена: во что-то феноменально модное. Но я узрела лишь Пончика в дублёнке и шапочке «пирожок». Он озабоченно переминался с ноги на ногу, напоминая «надо меньше пить» из «Иронии судьбы».

– Что такое... что у вас тут случилось? – поинтересовалась я.

– Вот вы представьте себе, вчера ушёл я с работы в девять, сегодня встал в шесть, не знаю, как добрался, гололёдище-то какой, – завёл свою обычную канитель Пончик, – прихожу как всегда в кабинет, а перед этим ещё успел с генеральным обсудить архиважные вопросы, компьютер включил, графиками обложился, приготовился к трудовому дню, работы, знаете ли, вагон и маленькая тележка, а тут вдруг... бегут, кричат: возгорание, дым откуда-то просочился, лифты и свет повывключали, согнали нас сюда, теперь мы здесь инеем покрываемся, – закончил он наконец.

– А где... ваш подчинённый?

– А-а-а... не знаю... ну, полагаю, где-то тут раз всем велели срочно выходить на улицу, – Пончик потёр рукавом замёрзший нос.

Мы топтались перед зданием ещё минут десять, после чего коротко стриженный секьюрити «косая сажень в плечах» разрешил нам наконец попасть внутрь.

---

¹⁸ Здравствуйте (франц.)

Я немедленно проследовала в отведённую для занятий комнату. Красавец появился спустя недолгое время. По цвету его лица было заметно, что на мороз он не выходил.

– Вы что не спустились во двор вместе со всеми, когда объявили пожарную тревогу?!!!!

– Нет, я остался в одиночестве на своём месте, – с мрачной полуулыбкой ответил он.

– Но почему??? Вам жить надоело?? Ведь сказали, что шёл дым!!!

– Мой поступок со всей очевидностью показывает, что жизнь – не очень ценная вещь для меня. Я подумал, может, всё наконец закончится.

– *Ох, ну ничего себе философия у парня, выглядящего как картинка из модного журнала!*

Я заметила, что, несмотря на суицидальную заявку, он рад меня видеть. Поделилась впечатлениями от своей культпоездки.

– Женщины гораздо больше мужчин склонны интересоваться культурой, – констатировал он печальный факт, в котором легко можно убедиться, если посетить театр, музей или концертный зал.

Мы принялись за французский. Когда настал черёд проверки письменного упражнения, у меня в который раз не оказалось красной ручки. Он скривился, посмотрев на мои надписи поверх его каракулей. Признаюсь, поправки были трудноразличимы.

– Мне следует подарить вам на день рождения красную ручку, – он многозначительно уставился на меня. Я видела: он ждёт, что я сообщу ему дату, но я снова промолчала.

В тот день я поняла, отчего самым разрушительным ураганам дают красивые женские имена. Буря, которую звали Алиса, налетела внезапно. Никаких прогнозов Гидрометцентра относительно неё не поступало. Я только что начала урок в группе Пончика, как вдруг в дверном проёме возникла она. Молодая женщина нехрупкого телосложения, с прекрасным (с помощью дорогой французской косметики) цветом лица, с пшеничным (без помощи дорогой французской краски) оттенком подстриженных каре волос. Белая рубашка и прямая тёмная юбка довершали образ картинной банковской служащей. Я видела её впервые.

Победно оглядев всех нас, то есть меня, Пончика и двух других участников группы – Маргариту и Дмитрия, Алиса уселась рядом со мной. Никто не предупредил об её вторжении. Что ж, ничего странного. В Центре случалось и не такое. Бывало, наши менеджеры сообщали о прекращении занятий спустя полгода после того, как студенты увольнялись из своих компаний.

Её появление понравилось мне примерно также, как Наде из «Иронии судьбы» визит Жени Лукашина. Огорчительно, но я не могла полить Алису из чайника и выставить из комнаты. Ксавье и Антуан не пришли бы в восторг от такого поступка. И потом... я не имела ничего против самой Алисы, ведь я видела её впервые в жизни. Моё недовольство было вызвано непомерным разрастанием группы. Трое учеников – это толпа для страдающего социофобией преподавателя. Четыре – это как у Блока «их тьмы и тьмы и тьмы».

Алиса выглядела торжествующе. Сходу догадаться о причинах ликования я не могла, но впоследствии, пообщавшись поближе, поняла что женщина круглосуточно пребывает в своей собственной Стране Чудес, где все жители и сама она неустанно восторгаются алисиным совершенством.

Я продолжила урок, стараясь вовлечь в процесс и новоприбывшую. Её уровень оказался очень неплохим, и она почти сразу проинформировала всех о волшебном предмете, помогающем в освоении не самого лёгкого в мире языка.

– Лучший преподаватель – французский любовник, – ни капли не стесняясь сообщила Алиса. – Лично я прибегаю к этому средству и всем советую.

Пончик, Дмитрий и Маргарита неловко переглянулись.

– Ты это к чему? – иронически спросила Маргарита. – Здесь все люди семейные.

Для разрядки обстановки я сообщила, что данный вид педагога обозначается во французском языке специальным термином – «un prof d'oreiller»¹⁹. Затем попросила Алису рассказать, для каких целей она собирается посещать уроки, общается ли она по-французски с коллегами, использует ли язык в деловых поездках, ну и прочее в таком роде.

– Я читала одну книгу... – загадочно начала Алиса.

– Одну? – гаденько хохотнул Дмитрий.

Насмешка на Алису не подействовала. Лишь уничтожающий взгляд полетел в сторону молодого человека.

– ОД-НУ!!

Вопль коктебельских писателей раздался в моём воображении и, терзая богемные кудри, они бросились в море с отрогов Карадага. Алиса же, помурлыкав, взяла с ночного столика «Финансовый справочник», и ласковые волны биржевых колебаний понесли её в мир кредитов, дилеров и счетов. Но так как Страна Чудес полна сюрпризов, то спустя мгновение Алиса эмоционально выпалила:

– «Война и мир» называется! – и она очертила взглядом полукруг, проверяя достаточно ли мы впечатлились.

– Да, это единственная книга, которую я прочла. Книга, которая перевернула мне всю жизнь. Франция – моя любовь навечно, я выйду только за француза и обязательно буду жить в этой стране. Это мой гранд проект.

Произвести впечатление Алисе удалось. Влюбиться во Францию, читая русский патристический роман, дано не каждому. Не говоря уж о том, что юные поклонницы эпопеи всегда сохнут по князю Болконскому, а Алиса была покорена мелким корсиканским чудовищем. К слову, многие французы стесняются родства с великим императором: «Ах, что вы, Напó, но он вовсе не наш, он же просто дикарь с Корсики!»

Традиционно считается, что много читающие люди – редкостно интересные личности, что только они и достойны общения, привечания и восхищения. Но вот передо мной сидела женщина, за тридцать лет осилившая один, пусть и великий, роман, и она казалась мне чрезвычайно любопытной.

Алиса ходила на уроки исправно и, несмотря на то, что группа приобрела неприятные для меня размеры, я была рада иметь такую ученицу.

С некоторых пор я заметила, что Сонный, обзаведшийся кольцом на безымянном пальце, переменился. Его отсутствующий, мало что выражающий взгляд обрёл осмысленность, глаза засветились. Весь он как-то посветлел и преобразился. Было бы кощунством продолжать сравнивать его с амёбой или земноводным в состоянии анабиоза. Благополучно завершившаяся свадьбой любовная история превратила его в живого, активного юношу, который уже не переспрашивал по два-три раза каждое предложение, издавая один и тот же звук «а?» Между состоянием влюблённости, когда человек не знает, чем ответит возлюбленный, и дебилизмом несомненно много общего.

Романтические приключения внезапно нарисовались и у Шустрого. Большой любитель ресторанов и клубов, он познакомился в одном из них с какой-то особой. Несмотря на это, казалось бы, приятное событие, на последнем уроке он выглядел нервно и даже слегка пришибленно, словно кто-то подначивал его на нехороший поступок.

– И она говорит: из тебя надо сделать культурного человека, – пожаловался Шустрый, – а я ей: разве я некультурный мужчина? А она: в Большой театр тебя надо свести, вот куда!

Натурально «свести» должен был именно Шустрый, и от этой мысли лицо его становилось кисло-скорбным.

---

¹⁹ Подушечный препод (франц.)

– На сайт зашёл, цену глянул, лошади на голове зашевелились!²⁰ Пять тысяч за место! Десять тысяч то есть, на двоих! Ну, придём, а там? Балеруны в колготках дёргаются, вертятся, мужик палкой машет и вся недолга! – взгляд Шустрого затравленно метался, ища поддержки. – Эх, с этими деньгами бы в ресторан закатиться, а там и есть, и пить, и петь, и плясать! Нет, ну непропорционально же! – ныл не желающий приобщаться к высокому искусству специалист по информационным технологиям.

– Ну и-и-и? Билеты купил али как? – наслаждаясь бедой товарища, спросил Бывший Сонный, превратившийся в Проснувшегося.

Из глубины шустровой души вырвался тоскливый звук ы-ы-ы, и он простонал:

– А куды-ы-ы-ы денешься?

Я тоже решила поучаствовать в беседе и спросила:

– Что пойдёте смотреть?

– Эта... как её... ну, короче, «Дама с бижутерией», так что ли... И чего-то про цыганщину.

Стало ясно, что Шустрый слаб как во флоре, так и в ювелирном деле. Камеи, камелии – ему всё было едино, поэтому, сочтя цветы мелочью, он снабдил героиню Дюма-сына гарнитуром резных украшений.

А куда же прицепить цыганщину? Пораскинув мозгами, я пришла к выводу, что под цветастым словечком выступала «Хованщина» Мусоргского.

Я собралась было рассказать студентам о хореографе и сюжете «Дамы с камелиями», но Шустрый замахал руками, как Киса Воробьянинов в исполнении Папанова в момент, когда неудачливый охотник за бриллиантами пытался изобразить разбрасывание облигаций выигрышного займа.

– Нет, нет, прошу вас... нет! Лучше ответьте, удобно ли подарить женщине духи «Для рыбы»?²¹

Моя попытка выступить не только как преподаватель иностранного языка, но и педагог по искусствоведению, потерпела фиаско.

Во все эти события незаметно вкралась весна. Дамы на соблазнительных шпильках бороздили улицы. Вместе с последним грязным снегом растаял и страх поломать ноги или рухнуть сражёнными прелестной сосулькой, совершившей полёт с крыши прямиком к вашему темени. Каждый год я задаюсь вопросом, почему в зимнее время горожане вынуждены двигаться по улицам, гадая, доберутся ли они до места назначения или же бескорыстные эскулапы драматически увезут их в травмпункт.

Не спорю, возле моего дома лёд скалывают, и при выходе из подъезда вы не обнаружите себя тотчас на асфальте, да и дальше к метро проследуете безболезненно. Однако когда до дверей подземки, куда вы стремитесь поскорее нырнуть, спасаясь от холода, остаётся несколько метров, то тут под ногами неминуемо возникает кусок местами чудовищно горбатого, а местами гладкого как на искусственном катке льда, который по неведомой причине никто никогда не убирает. Кусок находится возле синих передвижных туалетов, так что человек, торопящийся в заветную будочку, должен быть необыкновенно сконцентрирован, дабы его не постигли две беды одновременно. Ко всеобщей радости с наступлением весны опасность покалечиться возле уличных сортиров откладывается ровно на год. Вокруг всё журчит, прихорашивается, готовится к возрождению жизни. Люди тоже выглядят приободрившимися и посвежевшими.

---

²⁰ Шустрый перепутал слова *cheveux* (волосы) и *chevaux* (лошади) (прим. автора).

²¹ Шустрый неверно произнёс название парфюма «Pure Poison» («Чистый яд»), отчего получилось «Pour Poisson» («Для рыбы») (прим. автора).

Вот только... атмосфера в группе Пончика складывалась не слишком веселая. Как уже говорилось выше, этот милый и уютный во всех отношениях человек отличался страстью болтать, снабжая повествование длинными информативно-загруженными конструкциями. Начиная свои истории всегда по-французски, но долго строить обожаемые сложносочинённые предложения на этом языке было ему не под силу, а потому, выжав из себя шесть-семь фраз, Пончик неминуемо возвращался к русскому и продолжал вещать уже на нём.

Надо отдать ему должное, он заботился о том, чтобы слушатели не скучали, ибо меню, которым он угощал нас, отличалось разнообразием: климат и животный мир Южной Америки, поход с женой за нарядами (это мероприятие называлось «одень куклу»), постройка дачной беседки, различия между европейским и восточным взглядом на мир, виды холодильников, роль дирижера в оркестре и т. д. и т. п.

Вежливо уговорить жизнерадостного Пончика удавалось редко, и присутствующие страдалицы с кривоватыми улыбками, уныло кивая, внимали нескончаемым монологам. Тяжелее всего приходилось Алисе. Я часто видела, как она краснеет, едва сдерживая возмущение. Сам же словоохотливый начальник Ай-Ти отдела ничего этого не замечал и получал от своей болтовни неопишное удовольствие. Высказавшись, он частенько погружался в тихую дрему.

В один из весенних дней мы корпели над какой-то научно-популярной статьей о спутниках. Пончик крепился до тех пор, пока обилие незнакомых слов не подкосило его окончательно, и он осторожно стартовал:

– Кстати, о спутниках... на днях по Дискавери видел я фильм о Сатурне, вокруг которого вращается несколько десятков спутников, а самый крупный из них Титан, а заодно он второй по величине в Солнечной системе после спутника Юпитера – Ганимеда, а также он превосходит по размерам планету Меркурий и обладает плотной атмосферой, единственный среди множества спутников Солнечной системы.

Алиса нервно глотала, в то время как Пончик набирал разгон:

– А по объёму Сатурн в семьсот пятьдесят пять раз больше объёма Земли, и ветры в верхней части его атмосферы достигают пятиста метров в секунду в экваториальной области, если сравнить с самыми сильными ураганами на Земле, то последние достигают высшего уровня приблизительно в сто десять метров в секунду, а такие сверхбыстрые ветры вызывают жёлтые и золотые группы, которые можно видеть в атмосфере. А то ещё наблюдают «Большой белый овал» – ураган, который образуется раз в тридцать лет. И следует заметить, что кольца Сатурна первым увидел Галилей, но не понял, что это за штука, а решил, что к планете приделаны ручки, и уж потом в середине семнадцатого века какой-то голландец (не могу выговорить его имя) предположил, что Сатурн окружён кольцом, а кольца-то состоят из льда или каменистого вещества, покрытого льдом, и похожи на старые грампластинки.

Алиса начала подёргиваться. Пончик продолжал радоваться:

– На Сатурне происходят такие полярные сияния, каких не наблюдали ещё ни разу в Солнечной системе. На изображениях с аппаратов эти сияния голубого цвета, облака под ними – красного, а прямо под сияниями обнаружено гексагональное облако.

После урока, когда Маргарита и Дмитрий покинули комнату во главе с абсолютно счастливым Пончиком, Алиса за ними не последовала. Красная как облака на Сатурне, она начала так:

– Пончик – большой начальник и только поэтому ему позволено три года тратить деньги компании, посещая французский ради того, чтобы заниматься, простите, херней. А мои жизненные планы конкретные и далеко идущие. В школе и университете я всегда была самой умной. Здесь в банке я тоже не вижу себе конкурентов. Игра всегда идёт по моим правилам, – Алиса в раздражении теребила тетрадку. – Не желаю больше ходить в эту группу и слушать его ахинею! Что вы скажете, если я присоединюсь к... – она назвала имя красавчика.

Я постаралась выглядеть дипломатичной:

– Алиса, я вижу, что вы настроены решительно, по-серьёзному хотите выучить язык и нахождение в данной группе этому безусловно не способствует. Думаю, если мы сделаем так, как вы предлагаете, то у вас будет хороший партнёр под стать вам.

Алиса отбыла успокоенной. Мне тоже полегчало, ибо я давно понимала, что если не сегодня, так завтра пончиковы выкрутасы выльются в дурацкие разборки.

– Как вы смотрите на то, чтобы заниматься вместе с Алисой? – спросила я у гламурного модника на следующий день. – Она сильная студентка и тянуть вас назад не будет.

Его ответ был краток, но безусловно исчерпывающ:

– Алису я ненавижу, но не имею права выбора, – проговорил он, едва разжав зубы.

Оказалось, что мнение Алисы о своем коллеге было столь же «благожелательным»:

– Меня тошнит от этого надутого индюка, но лучше с ним, чем с его начальником.

А теперь попробуйте вести занятия в группе, где двух учеников связывает такое «большое и светлое» чувство. Причём оно не таилось, так сказать, под спудом. Нет, они не грубили другу в открытую, однако атмосфера на уроках была, мягко говоря, столь прохладной, что я то и дело смотрела на часы, словно желая заставить стрелки бежать быстрее.

Время от времени Алиса взбадривала нас напоминаниями о том, что на её жизненном пути пока не встретился человек, равный ей по интеллекту. Не исключено, что такого даже не существует в природе. Ни одной крохотной молекулы самоиронии или юмора не содержалось в этих словах. Положим, немало нас в глубине души мнит себя ньютонами, аполлонами, наполеонами или, Бог знает, кем ещё... но никогда раньше я не видела, чтобы человеческий индивид по несколько раз в неделю прямым текстом информировал об этом своих коллег и знакомых. Может, это форма современного аутотренинга?

Вскоре я поняла, что осталась единственным алисиным наставником, потому что она перестала хвастаться своим французским *petit ami*²² и ездила в отпуск в одиночестве. Расставание явно не огорчило её, ведь, как мудро выразился Цицерон, «влюблённый в себя соперников не имеет».

---

²² Дружок (франц.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.